ДУМА О КОРНЯХ

ЗАМЕТКИ С ПРАЗДНИКА В ОВСТУГЕ

И ВСЕ-ТАКИ праздник состоялся. С вечера лил дождь. «Все грохотало и раскалывалось, была такая гроза... Тютчевская!» — подыскал наконец определение художник Юрий Махотин. В Овстуге я встретился с ним — одним из первых из известных мне людей.

Художник Юрий Андреевич Махотин, заслуженный художник России, у него тут в Овстуге хибара есть с садом и огородом: добывает пропитание своими руками. Художник Божьей милостью, художник-труженик, подаривший Овстугу целую галерею картин, написанных по тютчевским стихам, по тютчевским мотивам, по тютчевским местам. Он вообще много раздарил (отчасти и потому, что мало покупают, не лежать же сокровищам мертвым грузом — пусть смотрят люди).

Подарил он картину и самому президенту, а тот сделал отдарок — «президентские часы». Лично я в этом деянии художника усматриваю несомненную корысть. Думаю, не на такой «отдарок» он рассчитывал. Хотя, конечно, и ту замысловатую безделушку бережно хранит (безделушка-то все-таки со смыслом: часы, то есть время, постоянное напоминание о быстротекущем и невозвратном времени, о неумолимой скоротечности нашей жизни).

Со смыслом был и подарок художника: на холсте — могучий, иссеченный бурями и временем, но все еще могучий и как бы бессмертный дуб, один из вариантов знаменитой картины «Через века» (такое вот символическое совпадение — и тут речь о времени: через века!..).

Но вернемся на площадь в Овстуге.

Накрапывал дождь и с утра. Еще негусто было у торговых лотков на площади, но вот на пятачок у Дома культуры степенно двинулись русские красавицы в старинных одеяниях. И пошли — и с притопом, и с прихлопом...

— Бабоньки, чьи вы?

— Я из Ржаницы.

— А я из Летошников...

— А вместе собрал-то вас кто?

— Жуковский РДК...

Могли бы сказать: Тютчев. Могли бы: любовь к народному искусству. Или — еще шире: любовь к России-матушке. Или просто: любовь к жизни. И все это было бы правдой.

Но они говорят, как думают, а думают, как живут, — и ясно, и конкретно, без мудрствований лукавых. Хотя как же без лукавости? Есть она, есть, конечно, и в походке, и в озорных искорках в глазах, и в бедовых притопах-прихлопах. Но эта лукавость, конечно, иного рода.

Перестройка, перестройка,
До чего ж ты довела!
Даже Райка Горбачева
Поросенка завела!

От любых слов на эту тему уже, казалось бы, людей тошнит. Но нет, не от любых, оказывается. От частушки разгладились морщины, посветлели лица, засветились улыбки, люди ободряюще покачивают головами.

(Окончание на 2-й стр.).

ШИРЕ КРУГ!

Фото М. Васильева.

ДУМА О КОРНЯХ

ЗАМЕТКИ С ПРАЗДНИКА В ОВСТУГЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Дура я, дура я,
Дура я отпетая:
Голоснула за Бориса —
И хожу раздетая!

«Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» — невольно вспоминается известная фраза. Но они смеются, и притопывают, и прихлопывают, и смеются люди вокруг. И значит, не все еще потеряно.

Конечно, доярок и механизаторов из соседних и дальних колхозов теперь на автобусах не привозят. С «принудительным» приобщением к искусству покончено. Да и горючее дорого — на сев не хватает. Но ребятишек откуда-то все-таки подвезли. И чиновники, конечно, были, в том числе губернские.

— Вон Барабанов приехал.

— А Карпов? Карпова что-то не видно. Но вон Семернев. И Сорокина приехала... — переговаривались между собой знающие начальство в лицо.

Так что постепенно по обочинам площади со скульптурным изображением Владимира Ильича столпилось десятка два лимузинов. Да плюс несколько автобусов, да коробейники, торгующие прямо из кузова (кстати, бойко шла торговля хозяйственным мылом). Были шашлыки (по тысяче с чем-то за три-четыре непрожаренных кусочка), русская водка и, конечно, «сникерсы». Исторический момент: «сникерсы» достигли Овстуга! Русских блинов и русского кваса, конечно, не было.

НЕТ, НЕ ПРЕЖНЕЕ столпотворение, когда на Поэтической поляне и в тенистых окрестностях размещалось до шести, а то и до десяти тысяч человек. Но та пора «заорганизованных праздников» ушла. Да и погода не задалась нынче.

Поэтому довольно обширную программу (для объективности подчеркнем: и обширную, и разнообразную) организаторы вынуждены были «втиснуть» в зал Дома культуры. Нет худа без добра: зал оказался даже малость переполненным.

Как уже сообщалось, в празднике участвовала группа литературоведов из Москвы во главе с широко известным на Брянщине Евгением Николаевичем Лебедевым, доктором филологических наук, проректором Литературного института имени А. М. Горького, председателем Тютчевского комитета. В составе делегации гостья из Германии — докторант Тюбингенского университета, автор работ о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева Диана Штаудархер, поэт и переводчик с французского и других европейских языков Владимир Борисович Макушевич, кстати, академик Независимой академии эстетики и свободных искусств. В числе гостей — исследователь тютчевской лирики о природе кандидат сельскохозяйственных наук Татьяна Владимировна Маркова, старший научный сотрудник отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, исследователь ранее непубликовавшихся писем Ф. И. Тютчева, переводчик писем с французского языка Людмила Викторовна Гладкова, автор ряда книг о Ф. И. Тютчеве, секретарь Тютчевского комитета Геннадий Васильевич Чагин.

Из опаленного гражданской войной Приднестровья приехал наш земляк поэт Анатолий Дрожжин, кстати, являющийся ныне ответственным секретарем Тираспольской писательской организации.

Наряду с гостями выступали и брянские поэты: Александр Мехедов, Владимир Гамолин, Степан Кузькин, Владимир Парыгин, Виталий Пионков, Александр Буряченко, Марина Юницкая, Владимир Сорочкин, Владимир Потапов, Светлана Корчигина...

Некоторых поэтов (например, Владимира Гамолина, Степана Кузькина из Трубчевска) слушатели приветствовали особенно горячо, не отпускали, требовали еще, но ведущий скороговоркой пояснял, что «нет времени», «программа очень плотная», и объявлял следующего.

Кого-то из гостей даже «забыли», о чем он не преминул напомнить публике, и «пропущенному» была великодушно предоставлена возможность высказаться. Уже подуставший зал опять приободрился, замер в ожидании чего-нибудь «такого-эдакого». Но «бомбы» не получилось: обычная хлопушка.

Потом я спросил у Николая Ивановича Поснова (ведущего от брянских писателей): «Что за причина была? Гость все-таки, неудобно. А он ведь всему этому придал политическое звучание...» На что тот ответил: «Да ну, какая там политика!.. Во-первых, мы его не приглашали, а во-вторых, программу пришлось действительно сжимать, укорачивать, мне полчаса всего дали...»

О чем говорили поэты? Каким глаголом «жгли сердца людей»? И тютчевским, и своим собственным. Читали, конечно, разное и о разном. Но были какие-то и повторяющиеся мотивы.

И в стихах, и в речах сквозили то уныние и скорбь по России, «которую мы потеряли», то все еще надежда на ее «особую миссию» («Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить...»). А одна поэтесса заявила: «Мы свободны, свободны впервые!», она призывала суметь «воспользоваться свободой». Как «воспользоваться»? И что она понимает под словом «свобода»?..

В речах ораторов традиционно звучала, конечно, гордость и за великого поэта-провидца, который как бы предвидел и нынешние катаклизмы. Но при этом вспоминалось: ***«И доныне по маразму метко бьет сарказм Эразма, Только рад ли ты, Эразм, Если так живуч маразм?»***

А потом был довольно длинный и прекрасный концерт. И песни, и танцы, и зажигательные пляски.

Вот на сцену степенно выплывают дородные красавицы в старинных одеяниях с замысловатой вышивкой. Да ведь это, кажется, опять они, те бедовые бабоньки, что из Ржаницы и Летошников? Объявляют: хор Жуковского районного Дома культуры. И заполняется зал таким крепким, таким мягким, таким добротным певучим голосом, такой славной русской речью, которую мы уже почти забыли, сидя у телевизоров перед кривляющимися карликами с большими микрофонами в зубах.

УДУБА, рассказывал мне недавно специалист, в земле столько же, сколько над землей. Потому он, мол, и могуч, потому и вечен. Про такие деревья есть у Тютчева. Такое дерево изображено и на той знаменитой картине художника Махотина.

Все-таки интересно: понял ли «умысел», «намек» художника президент? Сила ведь действительно в корнях. И не только у дерева. А беловежские-то лесорубы рубанули ведь в свое время именно по корням!

Во время экскурсии по музею поэта от экскурсовода — в который раз! — довелось услышать: ***«Скажите, для того ли я родился в Овстуге, чтобы жить в Турине? Жизнь, жизнь человеческая, куда какая нелепость...»***

И подумалось: какой парадокс, какая ирония судьбы! Он страдал оттого, что не может жить в Овстуге. А его «благодарные потомки», закусив удила, рвутся хоть в Турин, хоть в Турцию или Тунис, лишь бы с глаз отчая земля. Впрочем, может быть, для большинства из них она и не отчая. Не думаю, что так взяла и напрочь иссякла исконная для русских, отмечавшаяся еще Пушкиным «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу».

Но бегут. Получив жизнь, получив образование (какое-никакое, но высшее), высосав все что можно, выдоив, бегут в поисках «рая», разумеется, обещая вернуться, чтобы выстрогать очередной «рай» здесь, и, конечно, по чужеземному образцу.

Вот уж поистине племя иждивенцев. И, может быть, Владимир Солоухин прав, сказав по телевизору на днях: ***в России сейчас нет народа, а есть население?*** Страшная мысль! Она, конечно, не нова (но оттого еще страшнее):

Ты говоришь: «Народ России...»
Но это население! Народ —
И корни многовековые,
И кроны дерзновенный взлет!

Не знаю, сказал ли что о Тютчеве нынешний президент, но Владимир Ильич, как утверждают специалисты, отмечал, что его «книжечка томов премногих тяжелей». Правда, нынешние знатоки склонны считать, что эти слова принадлежат кому-то другому. Но неоспорим факт: в число памятников культуры, которые подлежат охране государством, вошло и тютчевское имение в Муранове за Москвой (имение наследников Ф. И. Тютчева).

Кстати, наших брянских толстосумов что-то на празднике не было видно. От них все ждут, что они меценатами станут, как Савва Морозов или Третьяков. [illegible] на этом празднике кто-то выставил свои картины на продажу. Юрий Андреевич Махотин, заслуженный художник России, приурочил к празднику статью в «Брянском рабочем», где с горечью обронил: можно бы издать прекрасный альбом с его картинами и стихами Тютчева, но прежние власти не заинтересовались. Человек питает надежду: может быть, найдется спонсор из числа нынешних богатеев...

Но их «иномарки» в этот день толпились где-то в другом месте. Ведь тут, как сказал поэт (правда, совсем по иному поводу), ***«Тут ничего не покупают, тут ничего не продают».***

Брянский художник Валентин Сидоров специально для музея в Овстуге написал в свое время картину, на которой попытался изобразить строительство школы век с четвертью назад, той самой школы, что возводилась на средства дочери поэта в селе Овстуг для крестьянских детей. Это в то самое время-то, о котором у Тютчева сказано:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Стою, смотрю на картину со школой и вдруг вспоминаю, что утром по радио говорили: нынешние дети фактически уже лишены возможности получить бесплатное среднее образование, большинство из них не пойдет в десятый класс, останется с неполным средним, а значит, им закрыта дорога в вуз. И теперь уже не вольнолюбивые студенты, как было в предреволюционное время, устраивают сходки и забастовки, а школьные учителя и почтенные кандидаты и доктора наук. Это после всех наших спутников, лунников, орбитальных станций, «семимильных шагов» в кибернетике (шестидесятые годы) и вообще после «самой образованной страны в мире».

И до чего же мы дожили: свои прекрасные стихи (книжка «Русалочьи песни») Валентине Крисановой пришлось издавать на свои собственные последние копейки. И если бы не бескорыстное участие таких же благородных нищих, как Владимир Петрович Парыгин (выступил в качестве и рецензента, и издателя, бесплатно, конечно) да Степан Павлович Кузькин (редактор книги и основной «проталкиватель» при печатании в Трубчевской типографии), вряд ли эта книжка увидела бы свет. Но вот она вышла, вот ее привезли в Овстуг, но не толпится в очереди признательная публика.

Нет, это не обязательно деградация. Для абсолютного большинства нашего населения, даже когда мы жили в «самой читающей стране в мире», поэзия, конечно, не уподобилась хлебу насущному. Но, когда и хлеб насущный для абсолютного большинства населения становится проблемой, конечно же, это никак не способствует приобщению к поэзии.

Не случайно на своей книжке «Струны сердца» в автографе для Вадима Кожинова Владимир Данилович Гамолин написал:

О, знаю я: не легкий жребий
Служить культуре в наши дни.
И думать о насущном хлебе.
Лишь огорчения одни.

Но, в Разум веруя глубоко,
Тащу свой воз за годом год.
И свет Поэзии высокой —
Как оправданье всех невзгод.

Стихотворение датировано 12 июня 1994 года. А пониже указано: «Село Овстуг. Праздник поэзии».

Экскурсию по залам музея для гостей проводил, конечно, сам Гамолин. Речь его была то беглой (он почти автоматически приводил какие-то сведения, даты, цитаты усталым, надтреснутым голосом), то голосу его возвращалась страсть, порой в нем слушались презрение и даже угроза:

Напрасный труд — нет,
их не вразумишь, —
Чем либеральней,
тем они пошлее,
Цивилизация —
для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь,
господа,
Вам не снискать признанья
от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья,
а холопы.

Конечно, Гамолин адресовал это, несомненно, напрямую нынешним «господам».

Да, поразительно много у Тютчева как бы прямо про наши дни. В одной из витринок музея — номер «Литературной России» с публикацией в связи со 190-летием со дня рождения Ф. И. Тютчева. На гравюре — поэт, а рядом — его стихи:

...Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства
тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!
О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом.

Дата: ***24 октября 1854.***
Поразительно!

Н. ИВАНИН.

НА СНИМКАХ:
1. У дома поэта в Овстуге.
2. Гости праздника: председатель Тютчевского комитета Евгений Лебедев; поэт, переводчик, ученый Владимир Микушевич; наш земляк, живущий в Тирасполе, поэт Анатолий Дрожжин.
3. Слушают стихи.

Фото А. КУРДИКОВА.